

ТАТЬЯНА ФИЛАТОВА

О ЧЁМ
МОЛЧИТ
ЛЕС

Татьяна Олеговна Филатова

О чём молчит лес

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58118018
О чём молчит лес: SelfPub; М.; 2023
ISBN 978-5-6047566-0-7

Аннотация

Трилогия Татьяны Филатовой «О чём молчит лес» – это связанные между собой истории о дохристианских временах, когда леса, поля и реки были населены духами, а люди жили в согласии с ними, по законам природы. За неповиновением следует кара. С новым солнцеворотом сменяются не только времена года, но и переходы от жизни к смерти. На фоне бескрайних просторов разворачиваются истории любви, борьбы за свободу и своё место в цикле жизни.

Содержание

Неведомая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Филатова

О чём молчит лес

Моей бабушке Лидии

- © Т. Филатова, текст, 2023
- © Т. Филатова, дизайн, 2023
- © О. Викторова, иллюстрации, 2023
- © Формаслов, 2023

Неведомая

Всякая тварь теплу радуется. Самая ничтожная к свету тянется, к жизни. Радует, что зиму лютую пережила. Ласточки по небу скользят, пчёлы на первые цветы садятся, муравьи веточки да иголки в свой дом тащат. Корова наша по свежей траве истосковалась. Зима тяжёлой была.

Две сестры у меня остались: Алёнка да меньшенькая, а жизнь-то дальше идёт. Отец в поле ходит, да стар он уже, а мать ещё старше. Теперь хоть кости свои погреют, может, и сила появится. Хлеба новые вырастут, голод закончится, там к осени Алёнку замуж выдадим в соседнюю весь. Шестнадцатое лето ей идёт – пора.

Поселение у нас хорошее, место благодатное: с одной стороны поле, за полем лес, с другой – река, а за рекой опять лес. Раньше, когда прадеды пришли на эту землю, полей вообще не было, только густые, бескрайние леса. Они срубили да пожгли их, чтобы растить жито. Теперь на месте тех лесов – пахоты, на которых работал мой прадед, дед, отец, теперь и я. Отец говорит, что пора мне в наш дом молодую хозяйку привести, мол, Алёна уйдёт, матери помощница нужна будет. Да и мне пора мужиком становиться, я старший. Да только сердце у меня как каменное.

Небесный огонь близится к повороту на зиму. Последняя неделя перед Купала. В ту ночь празднество большое будет, да и вся неделя эта шумная. Девки совсем ошалели. Из соседних весей в гости хаживают друг по другу, парни перед ними скачут, сумерничают, и сестра моя туда же. Оттого косить парни нехотя ходят, даже те, кто моложе меня, а травы-то подросли. Сегодня я один парень среди мужей буду.

А я люблю косить: идёшь по млечному от утренней дымки лугу, путаясь ногами во влажной траве, ёжишься от прохладного ветерка, а заря алеет на краю неба, прогоняя ночь. Косцы встали в линию, я – один из последних, самый младший. Взмах – и разноцветные головки цветов полосами попадали на сырую землю. Мужики, все как один, твёрдым шагом в тишине двигались друг за другом, только косы свистели. Пока небесная колесница поднималась к центру неба, мы косили без отдыха и промедления. Свет озарял лес и реку под холмом, пробуждал птиц и листву. Запах сока и мёда трав пропитал одежду. Большак сказал, что эта полоса последняя, пора отдыхать. Мужики утёрли пунцовые лица рубахами. От них пахло жаром и солью, а я не чувствовал усталости.

– Ты что, не собираешься? – спросил меня дед Большак, отирая косу пучком травы.

– Ещё немного тут побуду и тоже пойду, – я оглянулся: сладкое марево застыло над лугом, не хотелось уходить.

– Олесь, жарко.

– Я недолго.

– Ну что ж, – он нахмурил брови, – ты парень взрослый, делай, как знаешь, – закинул косу на плечо и с остальными пошёл к дому, а я остался.

Аромат поднимался от земли, ветер гулял в ещё не скошенной, высокой траве, качал зелёную реку с жёлтыми лодочками цветов. Шмели звенели, собирая цветочный нектар, пищали птенчики луговых птиц, а высоко в небе залиристо кричал коршун. Я наклонился к скошенным сиреневым головкам клевера, подобрал один, да вдруг слышу: смех девичий где-то вдалеке. Выпрямился, прислушался. Потом будто девка эта запела. Красиво так и грустно. Огляделся, да не видно никого, а голос ближе стал. И вот совсем рядом раздался, тоненький. Подшутить, что ли, хочет?

– Кто ты? Выходи! – не выдержал я.

Снова.

– Что смеёшься? – а сам думаю: негоже парню цветы собирать.

Обошёл вокруг – никого. Смех луг облетел и исчез. – Да выходи ты!

– А не забоишься? – ответил голос.

– Чтобы я девку испугался? Страшна, как Леший? – усмехнулся я.

В тёмном лесе,

В тёмном лесе

*Выйду ль я?
Выйду ль к дому,
Али в тёмном
Лесе сгину я?¹*

Кто это поёт? Рядом – никого, где прячется?
– Хватит! – крикнул я.
Ух и разозлила она меня.

*Али ветер вдруг засвищет
В тёмном лесе,
В тёмном лесе,
Аль хозяин меня същёт
В тёмном лесе,
В тёмном лесе?*

Тут девица спрыгнула с ветви тоненькой берёзы подле меня – свет дневной затмился. Лицо моё жаром обдало. Высокая, локоны золотые выются по пояс, глаза как листва, а кожа как молоко. В сорочке льняной небелёной, распоясанная и босая.

– Как звать тебя? – выдохнул я да глаза опустил: негоже так ходить девкам.

– Кому надо, тот знает, – усмехнулась красавица.

– Откуда ты?

Не помню я среди тех девок, за которыми парни наши бе-

---

¹ Примечание автора: песни народные, некоторые переработаны автором.

гают, такую. Те вырядятся – мать родная не узнает, а эта что голая.

– Здесь недалеко живу, – кивнула она в сторону реки.

Вдруг в глазах потемнело, её силуэт дрогнул. Протянул руку, чтобы дотронуться: морок али правда? Да не совладал: не слушались руки и ноги. Девица побежала со смехом прочь.

– Стой! – отчаянно закричал я и споткнулся, пот выступил на лбу, перед глазами поплыли круги. – Как тебя зовут? – прошептал я, чувствуя, что падаю, а земля несётся мне навстречу.

На мгновение свет исчез, тьма перед глазами, боль ударила в левый висок. Очнулся – лежу на спине, а неведомая заслонила собой небеса и свет дня. Только лицо её надо мной. В самые глаза смотрит.

– Кто ты? – прохрипел я.

– Своё имя назови, – без улыбки сказала она.

– Олесь, – выдохнул я ей.

– Глаза закрой.

Я закрыл, они сами закрылись. Холодные ладони коснулись моего лба и плеча.

– Меня Весенией называй. И в полдень косить больше не ходи.

Открыл глаза, а её уже не было. Убежала. Голова не болела, а волосы мокрые, как из речки.

В тот момент я твёрдо решил жениться.

Вернувшись к дому, зашёл за тын и поставил косу, сестрица сидела на крыльце с корзиной грибов, снимала с них липкую шкурку и недобро глянула на меня.

– Чем я тебе сегодня не угодил, Алёна Богдановна?

– Да не знаю, братец. Глядим мы с матерью: все косцы домой возвращаются, одного нашего не видать. Куда это он подевался? Полудница, поди, его по голове шарахнула.

– Ты свои страшилки Живулечке рассказывай, а за меня не волнуйся, я мужчина. Ты скоро замуж выйдешь, с Селемиром так же будешь разговаривать?

– Что-то не вижу я, что замуж скоро выйду, или мой сундук для приданого готов уже? Или я так хороша, что меня без него возьмут?

Мы с сестрой сердито посмотрели друг на друга одинаковыми серыми отцовскими глазами. Это было единственное наше сходство. В остальном я был высок, а она не доставала мне и до плеча, у меня волосы светлые – у неё алые, потому и назвали её Алёна, а когда помладше была, отец её искоркой называл. Видно было сестру среди прочих девок издалека, с её рыжей косой. И сама по себе она как огонь, а я в сравнении с ней что сухарь. Вот и теперь я молча прошёл в дом.

Запахло печным дымом, от которого защипало глаза, в дальнем углу, у жаркой печи, на скамье сидела мать, она подняла на меня глаза. Отсветы прыгали по камням и золотили лицо и выбившуюся из-под повоя прядь.

– Вернулся.

Я подошёл к ней и склонил лицо к её ладоням. От матери всегда пахло хлебной закваской и душистыми травами.

– Отчего задержался?

– Не волнуйся, ничего со мной не случится.

– Ты один у нас, – тихо напомнила мать и посмотрела так долго, словно что-то новое во мне увидела.

– Иди умойся. Отец сейчас придёт.

Я вышел на двор, зачерпнул воды из бадьи, обтёр солёное лицо, а думал о девушке. На что не люблю этих девиц: намажутся ягодами, да только хохочут и ждут, что парни, как мухи, слетятся. А эта хоть бы волосы прибрала, нехорошо девке без венчика. Может, род бедный, или вовсе сирота она? Да селение за рекой хорошее, крепкое, уж не оставили б в беде.

Тут я услышал стук копыт нашего Бурого – отец вернулся.

– Мужики говорят, ты один в поле остался? В самое пекло? – строго спросил отец, только завидев меня через тын.

– Я девушку встретил, – опустив глаза, пробормотал я.

Сестрица моя, сидевшая на крыльце, обернулась. Отец спрыгнул с коня, подошёл, отдал мне поводья, посмотрел, ничего не сказал. Я пошёл поить Бурого в надежде, что Алёна за мной не увяжется, а то не спасёшься. Сестра пошла помогать матери собирать на стол. Мы ели молоко с зелёным луком, свежим хлебом и яйцами. Проголодавшись за работой, я глотал куски мягкого, свежего хлеба. Большак был прав – надо было домой идти: с полудня будто нутро перевернулось, да на место не встало.

До самых сумерек я чинил корзину сестрицы на дворе. Плетение прохудилось, за мелким трудом успеваешь поразмыслить. Приятная прохлада после жаркого дня спустилась на раскалённую землю. Во влажном воздухе носились мошки, листва бросала на траву кружевные тени. Рановато купаться, да жаркие стоят дни. Только я поднялся спину поправить, сестра тут как тут.

– Куда идёшь? – спросила она, выглянув из дома на крыльцо.

За пояс у неё была заткнута прялка с большим, пушистым куделем. Я направился со двора:

– Корзина твоя готова. Купаться.

Она юрко соскочила с крыльца:

– Купаться? Хочешь, чтобы тебя ичетики утащили?

– Алёна, я на нашем добром месте купаться буду!

Ты одна такая трусиха!

– Вот встретишь их и меня вспомнишь.

– Да за что только Селемир тебя любит? Уж не за страшилки твои.

– Ясно дело, за что – просто так. Неужто любят за что-то? Да и откуда тебе, бобылю, знать? И не страшилки это, мать рассказывала, тебе бы тоже её послушать.

Сестрица фыркнула, очертила себя громовым знамением и пошла в дом. Я вздохнул и подумал, что следующую корзину сестрице будет чинить уже муж. До нашей матери Свизь-реки идти недалеко, только спуститься вниз от домов под

холм. Трава приятно щекотала голые ступни, кругом разносились стрекотания кузнечиков и писк стрижей высоко над головой. Место для купания было чистое и прямо напротив селения, берег здесь пологий, вытоптаный, камыш убран.

Пока я шёл к воде, донёсся девичий смех, от которого вздрогнул. Она? Нет, всего лишь соседские девушки бельё полощут в реке. Брызжут друг на друга – купаться нельзя, а хочется, только вода блестящими брызгами из-под рук их летит. Чтобы не смущать и не поднимать визг, я тихо пошёл дальше по берегу вдоль русла, перескакивая через торчащие корни склонившихся ив, высматривая змей под ногами. Берега поднимались, русло заросло высоким рогозом, в этих зарослях может водиться что угодно. Надо поскорее искать место почище: пока Бог смотрит на нас, купаться не страшно. Впереди показалась наклонившаяся над водой берёза, вокруг неё ракиты и прогалина в камыше, так что воду видно. Я развязал пояс, скинул рубаху и услышал смех. Теперь тот самый. Сердце ухнуло.

Обернулся кругом – никого. Как ошалелый обежал прибрежные заросли – нет её, затихло всё вокруг. Мерещится, морок напал, или опять насмехается? Засмеялась так близко-близко. Поднял глаза: певунья моя сидит на берёзе, ветерок над водой волосы её колышет. Она смотрит на меня сверху и улыбается.

– Ты, – сказала Весения и вновь улыбнулась.

Каким же я дураком ей казался, пока бегал тут кругами.

Подобрал одёжку и, не отряхивая от песка, надел. Песок посыпался в порты.

– Купаться пришёл? – спросила она. – Рановато.

– Да, а ты зачем здесь? Одна. Девушки там плещутся, – я махнул в ту сторону, откуда пришёл.

– А на что мне твои девушки? Пусть.

– Ну девушки обычно с подружками ходят. Вдруг чего.

– А моих подружек здесь нет, и ничего со мной не приключится.

– Где ты живёшь? Почему одна ходишь?

– Живу недалеко, а ты в гости хочешь зайти?

– Что если и так?

– Смотри, понравится, навсегда останешься.

– А может быть, это ты у меня навсегда останешься? – слова сами выскочили, я не ожидал, что скажу это, сердце дрогнуло, и в ушах застучало.

В ответ она засмеялась.

– Вы, девки, только и умеете, что смеяться! – крикнул я.

Как у них получается так голову морочить? Теперь обиделась красавица моя, сдвинула светлые брови и мигом спрыгнула с берёзы, да так ловко.

– Не знаю, что ваши девки умеют, хочешь, покажу, что умею я? – она подошла так близко, что я почувствовал её дыхание.

– Хочу.

– Тогда раздевайся. И поплыли.

Я огляделся, пытаюсь собраться с мыслями. Река была гладкой и спокойной, свет мерк за лесом, озаряя верхушки деревьев. Летучие мыши выходили на охоту и, незаметные глазу, словно тени, с пискom носились за мошкаррой. Лягушки квакали по берегам среди ряски. Всё вокруг покрывалось синевой и прохладой. Девушка нетерпеливо дёрнула меня за руку. Я повиновался, снял рубашку и зашёл по щиколотки. Тёмная вечерняя вода была прозрачной и тёплой, мальки кружили между травинок у берега. Неведомая моя улыбнулась, не сводя с меня глаз, сделала два шага вглубь, спиной упала в воду и исчезла. Я замер. Какие-то бесконечные мгновения ждал, что она вот-вот появится, но её не было. Кровь отступила от лица, как вдруг до меня долетел её голос.

– Эй, чего застыл?

Я посмотрел вперёд: там, над водой, в середине реки, виделась её светлая голова, девушка подняла руку и помахала мне. Бегаёт быстро, плавает быстро! Окунулся в воду, как в парное молоко, река ласково встретила меня. Широко загребал руками, отталкивался ногами, торопился доплыть, но, казалось, остаюсь на месте, только порты раздувались. Она никак не приближалась, что за чудеса? Девушка вновь рассмеелась.

– Ладно, плыви! – крикнула мне.

Взмахнул два раза и доплыл. В глазах девицы – искорки озорные. Вода как будто отражалась в её волосах, превращая их из золотых в зелёные. Лицо было так близко, я не мог

перестать любоваться.

– Ну что? Умеют так твои девки? – с улыбкой спросила она.

– Нет у меня никаких девок.

Она протянула мне руку под водой, я дотронулся до её кожи, такой же гладкой и прохладной, как вода. Небесный огонь исчез за лесом, только облака над нами слегка розовели, в ещё светлом небе мигали первые глаза ночи.

– Хочешь, покажу тебе кое-что? – спросила она.

– Хочу.

Отвернулась и поплыла вперёд, волосы струились за ней, казалось, а река сама несёт её.

– Как ты это делаешь? – удивился я.

Она обернулась ко мне, цепко схватила водную гладь в кулачок, потянула на себя. Вода вокруг стала словно масло, держала меня. Не посмел ничего спрашивать, продолжал двигаться за моей спутницей. А она ничего не сказала.

Река огибала высокий лесистый холм, мы заплыли за поворот. Дальний берег был окутан синеватой дымкой. Только макушки высоких сосен возвышались над туманом. Вдруг я почувствовал, как что-то гладкое быстро скользнуло по моей ноге. От неожиданности я чуть было не вскрикнул, но сдержался и только шумно вдохнул воздух. Девушка обернулась ко мне. Потом словно десятки холодных рук, укрытых тёмной водой, обвили со всех сторон. Ужас охватил меня, а она шлёпнула ладонью по глади воды:

– А ну-ка брысь отсюда! – грозно крикнула, её глаза и лицо потемнели, тут же всё прекратилось, подводные руки исчезли.

– Ты это мне хотела показать? – выдавил я сквозь отступающий страх.

Она покачала головой, взяла меня за руку, мы, влекомые течением, заплыли в густой туман. Мне стало не по себе, я словно ослеп, передо мной исчез весь мир.

– Не бойся, – прошептала она и медленно провела перед собой рукой.

В ответ на это движение дымка пред нами вздрогнула и отступила ближе к берегу, открывая удивительную красоту: на тёмной воде росли жёлтые цветы. Я потёр глаза.

– Здесь растут цветы? Почему не тонут? Где же у них корни?

– Эти цветы никогда не утонут, потому что река – их дом, а корни у них на самом дне, – прошептала она.

– Они очень красивые.

Весения сорвала один цветок и отдала мне. Он был ярко-жёлтый, с гладкими, круглыми лепестками, а сердка была чёрной. Я не мог надивиться.

– Пахнет лучше всех земных цветов, – сказал я. – Почему такие красивые не растут на земле?

– У вас, на земле, много красивых цветов, но эти растут только в реках.

Я был одурманен сладким ароматом, и вода убаюкивала

меня. Девушка дотронулась до моего лба холодной рукой...

Когда я открыл глаза, оказалось, что лежу один на спине у берега, на том самом месте, где заходил в воду. Мой кулак был крепко сжат. Я раскрыл ладонь и обнаружил там раздавленный цветок грязно-коричневого цвета, пахнувший тиной.

* * *

На следующее утро я пошёл вместе с Яриком пасти коров, был его черёд идти за стадом, потом мой будет. Я решил поговорить с ним о девушке, а он рад был, что пойдёт не один. Бог на колеснице выезжал из оборотного мира. Он уже поднимал голову над лесом, рассеивая утренний туман.

– Олесь, ты чего какой? Не выспался? – усмехнулся Ярик, обламывая прутик для хворостинки.

– Я вчера девушку встретил. Потом заснуть долго не мог.

– Ого! – присвистнул он и удивлённо заморгал глазами. – Кто же эта девушка? Какая?

– Красивая очень. Песни поёт, плавает, бегают быстро.

– И?

– Что?

– Это всё? Весь рассказ?

– А что ещё про девушку рассказать можно?

– Вдвоём покупались? До Купала не дотерпели? – улыбнулся Ярик.

– Вдвоём, – ответил я и вспомнил руки под водой и иче-

тиков из сестриных страшилок.

– Далеко заплыли?

– Плавали по реке вверх и вернулись, – ответил я, не желая рассказывать того, чего не понимаю сам.

Ярик окинул меня сочувственным взглядом.

– А я вчера тоже залез в камыши, отсиделся там, пока девки полоскание своё разложат, сорочки их замокнут, потом как выпрыгну! Девки кричат, руками плещут, заливаются. Я Дарену поймал, к себе прижал. Она пищит, а я говорю: «Хочешь, замуж возьму?» Она мне: «Мал ты ещё!» Я говорю: «Да где ж я мал, ты посмотри!» Она как завизжит и вырвалась!

Я посмотрел на Ярика, он смеялся, а я молчал. Так мы и шли: я слушал его, подгоняя стадо хворостинкой, стадо брело на пастбище; становилось светлее. Придя на место, сели на склон холма, на сочную от росы траву, Ярик лёг на спину глядеть на небесных коров.

– Как зовут её? Откуда она?

– Нездешняя. Не знаю о ней ничего, кроме имени.

– Плохо. Как же разыщешь её?

– Она знает, что я косить хожу, что живу здесь.

– Ну да, – протянул с сожалением Ярик, потом снял с шеи маленький серый камушек на нитке. – На, это для удачи, может, влюбится в тебя твоя девка.

Я взял, нитка была протянута через неровное отверстие.

– Сам сделал?

– Нет, нашёл. Ты его за щёку положи, чтоб наверняка.

Я положил, Ярик заливисто рассмеялся. Я толкнул его в плечо и улёгся на мягкую землю. Коровы мерно щипали траву, Ярик достал дудочку и стал играть звонкую мелодию. Как же мне отыскать Весению? Я закрыл глаза и невольно представил её льющиеся золотые локоны, холодные прикосновения и смех. Я подскочил. Смех! Ярик тоже приподнялся на локтях.

– Девок слышишь? – спросил он. – Куда это они в такую рань, неужто по ягоды?

Я глядел во все глаза, крутился во все стороны, и вдруг в низине, со стороны реки, показалась девица, сердце радостно затрепетало, но тут я понял, что ошибся. Длинные чёрные волосы развевались на ветру.

– Эта твоя красавица? – не глядя на меня спросил Ярик.

– Нет.

Девица подошла ближе: круглое личико, глаза как озёра, тонкая и высокая.

– Значит, моя будет! – громко заверил Ярик.

Тут туман совсем растаял, и я увидел девушек в густых зарослях, некоторые расчёсывали пальцами мокрые пряди и пели. Среди прочих я узнал её, прислушался, но не сумел разобрать слов. Весения подбежала ко мне и закрыла своими ладонями мои уши. Я улыбнулся, её зелёные глаза растерянно смотрели на меня. Приложил ладони к её рукам.

– Не надо тебе эти песни слушать, – прошептала она, –

пойдём к лесу.

– Кто смел, тот успел, сестрица? – крикнула ей черноволосая, мне послышалось недовольство в её голосе.

– Прелестный, – крикнула другая.

Я удивлённо вглядывался в лица, пытаюсь понять, кто сказал это.

– Идём! – Весения дёрнула меня за руку.

– Я не могу уйти от стада, – я растерялся.

Ярик уже сбежал в низину, черноволосая взяла его за руку.

– Оставайтесь, мы уходим, – крикнула она.

– Это твои подружки? – спросил я, когда голоса их умолкли, а мы сели недалеко от стада в траву.

– Это мои сёстры.

– У тебя десять сестёр?

– Двенадцать.

Так вот почему они все так плохо одеты: большая семья, все в девках.

– Почему ты не дала мне дослушать песню?

Она посмотрела на меня серьёзно:

– Ты совсем ничего не понимаешь?

Я молчал. Она вздохнула. Перекинула локоны на одно плечо. Золотая копна рассыпалась, в ней заиграл отблеск небес.

– К концу недели они всех парней с ума сведут, – прошептала она.

– Пускай сводят, только Селемира моей Алёнке оставят.
Весения серьёзно посмотрела на меня.

– У тебя сестра есть?

– Есть, две, обе младшие.

– А ты один сын?

– Один.

– И всё не женат? Сколько тебе лет?

– Осьмнадцать. А тебе?

– Я тебя старше намного.

– Опять смеёшься? И сёстры у тебя все почти ровесницы.

По отцу сёстры, али названные?

– Отец у нас один, – неуверенно ответила она.

– Кто же твой отец? Может, мой его знает?

– Твой его не знает, – она улыбнулась уголком рта.

– Почему? Мой отец – уважаемый человек.

Весения кивнула.

– Он говорит, что пора мне жениться, – тихо сказал я.

Волосы слетели с её плеча – так резко она ко мне прижалась, уткнулась носом в мою щёку. Я неуверенно обнял её одной рукой за плечи, прижимая к себе, под льняной сорочкой билось девичье сердце.

– Хочешь, я подарю тебе венчик? Я видел, как их делают, – прошептал я, – моя сестра носит. Косу заплетает.

– Нельзя мне косу.

– Почему? Кто запретил?

Её голые ноги обвилились вокруг моих, она молчала.

– Мы не будем их слушать, – добавил я, – никого не послушаю.

– Как тепло здесь, под летним небом, – вдруг сказала она, – как приятно поют птицы, бабочки порхают над цветами, трава щекочет, земля нагретая, – Весения оторвалась от моего лица, посмотрела грустно, – и люди. Живые.

Я только хотел спросить, какие же у них люди, как она поцеловала меня. Прижалась холодными губами, и земля ушла у меня из-под ног.

– Теперь мои сёстры тебя не заполучат. Ты мой, – она вскочила и бросилась от меня через цветущий луг в лесные заросли.

Её ледяной поцелуй горел на моих губах. Я побежал за ней следом. Быстроногая, как ветер, не догнать, только золотая волна волос плывёт за ней. Я старался несильно отставать, но высокая трава путала ноги. На краю поляны она упала в густую зелень. Запыхавшись, я сел рядом с ней:

– Как ты научилась так бегать?

– Я могу исчезнуть и тут же появиться в другом месте, – улыбнулась моя красавица. – Хочешь, покажу?

– Нет! Я хочу, чтобы ты не исчезала. Никогда.

– Давай мы помолчим и полежим здесь, обнявшись, среди цветов? Такой тёплый день. Слушать кузнечиков, смотреть в небо и слышать наше дыхание – это всё, чего я хочу.

Её слова были так просты, но откуда в них было столько грусти? Я не смел ей перечить, посмотрел на стадо – умные

животные сами спрятались в тень и улеглись на земле. Мысленно пересчитал их издалека: все на месте. Весения положила голову мне на грудь и замерла. Я закрыл глаза. А когда проснулся, закат разливался над лесом, длинные тени от деревьев, словно чёрные кривые пальцы, тянулись вдоль поляны, мошки облепили меня. Весенин рядом не было, только мокрый след от её волос остался на рубашке. Большая корова, Пёстрая, стояла рядом со мной и мычала. В этот момент я понял, что Весения вновь исчезла, что я – дурак, потому что заснул и вновь упустил её, и что коровы гораздо умнее меня, потому что не хотят ночевать в поле. Пора было гнать стадо домой.

– Где же Ярик? – спросил я у Пёстрой.

Корова посмотрела на меня и замычала.

– Ярик! – крикнул я.

Тишина. Только сейчас заметил, что потерял его камень с дырочкой. Он, наверное, ушёл с девками в укромное место и забыл обо всём.

Я пригнал стадо. Стемнело. Ночью домой пришёл отец и сказал, что Ярик утонул.

* * *

Наутро все знали, что несчастье постигло Ярика. Отец сказал, что будет погребальный костёр, я хотел помочь с приготовлениями, но родители велели оставаться дома. За ста-

дом пошла наша мать, Живулечку отдали приглядеть Большаковой жене. Мне строго-настрого запретили выходить даже за дверь. Всё молоко скисло, хлеб загнил, в погребе наши скудные припасы проверять было страшно. Запретили ходить к полю, чтобы не принести беду урожаю. Все коровы с вечера не доились. Мать взяла узелки, топор и огниво, ушла лечить стадо. Как же утонул Ярик, какая беда к нам пришла, что решено было делать костёр? Мне нужно найти Весению – всё ли в порядке с её сёстрами?

Алёне разрешили ходить до соседей да следить за всем вместо матери. Пришлось просить сестру узнать у болтливых девок Большака, не видел ли кто златовласую красавицу мою. Сам я остался в избе, где боги нашего рода защищали меня, но от кого? Сел к печи, в самое светлое место в доме. В плохой день нельзя работать над сундуком для приданого сестры – всю будущую жизнь можно испортить. Я приоткрыл дверь избы и выглянул во двор. Никого. Даже бабы и девки не ходили дальше двора, даже к реке с бельём, никто не носил воду. Только пёс Большака лаял на кого-то, через двор доносился его рык.

Алёна вернулась вся сморщенная, как будто лягушку проглотила.

- Верного моего видели, миловался с девкой из чужих.
- Что за девка?
- Простоволосая, бесстыжая, не по-нашему одета.
- Где это было?

– На речке, – сестра топнула маленькой ножкой, тряхнула рыжей головой так, что коса к потолку взлетела.

Какое-то странное чувство охватило меня, сердце сжалось.

– Почему отец мне из дома не велел выходить? – я спросил не своим голосом и поднял глаза на сестру.

Она, всхлипывая, буркнула:

– Неделя, сказал, проклятая идёт.

– Проклятая? Что-то не слышал я про такую... И что это за проклятье такое, что девкам можно гулять, а парням по домам надобно сидеть?

– Почём мне знать? – в сердцах крикнула Алёнка. – У отца спроси!

– Если бы он хотел сказать, сразу бы сказал. Кому же ещё знать, как не тебе!

– Не знаю я, Олесь! Если навьи опять пришли, так всем бы дома сидеть велено было, как зимой этой. Так на Радуницу их же поминали! Для меня эта неделя проклятая оттого, что мой Селемир с девками другими милуется!

Сестра ушла к подругам, а я остался. Уж если и Алёнка ничего не знает...

Весь день я сидел в темноте, да только мысли грустные лезли. Весения стояла перед глазами, дюжину раз мысленно звал её по имени. Знаю, что жених я небогатый, но сила в роде. Работник я сильный, умелый, к разному труду привыкший, дом построить смогу, приданого мне её не надо –

наживём. Только бы узнать, к кому её сердце расположено.

Ранним вечером вернулось стадо. Отец пришёл в сумерках хмурый и задумчивый. Мать молча накормила нас добрым хлебом и квасом из дома Большака. Алёнка всхлипывала. Никто не сказал ни слова.

Утро наступило тревожное и туманное. Я чувствовал тайну между нами с сестрой и родителями. Они общались полувзглядами, обрывками разговоров, из которых я не понимал ничего, а Алёна и понимать не хотела. Девкам-то выходить не воспрещалось.

– Дома будь, – хмуро велел отец и дал мне мастерить черенки да кожаные поршни латать.

Так прошёл день. На следующий к полудню в наш дом во-рвалась Бажена, лицо красное, да как закричит с порога:

– Олесь! Олесь!

Я обернулся на её вопли:

– Чего кричишь?

– Там Алёнка! Алёнка! – тыча пальцем в реку, вопила Бажена.

– Дальше что?

– Тонет!

Я перескочил порог, не захлопнув двери, помчался к реке. Перед глазами прыгали ухабины дороги, не прихваченные снизу порты опутывали ноги. Взбежал на холм и кубарем скатился под гору к воде. Где сестра? Никаких следов, ни кругов на воде – ничего. Вода гладкая, не шелохнётся.

Забежал по пояс, глянул во все стороны – ничего. Слышу: со спины всхлипывает кто-то. В зарослях тростника напротив меня сестрица моя сидит, совсем не собираясь тонуть, да только рыдает навзрыд.

– Дура! – крикнул я, подбежал к ней и схватил за плечи.

На это Алёнка разрыдалась пуще прежнего.

– Любит он её! – сквозь слёзы прокричала сестра, я опешил.

Алёна уткнулась мне в голое плечо.

– Кто кого любит?

Сестра промычала что-то невнятное. Девки Большака опять ей насплетничали.

– Ты правда топиться удумала?

Сестра пнула босой ногой большой, щербатый камень – притащила откуда-то – и всхлипнула.

– Дура! – повторил я, поднял камень, который оказался не таким уж тяжёлым, да для её козьего веса в самый раз, и кинул его в речку.

– У меня, может, тоже сердце болит, но я же тонуть не собираюсь!

– Так не мужское это дело, братец!

– И что же? Сердце-то, оно у всех одинаковое!

Алёнка посмотрела на меня так пристально, как будто в первый раз видит. Перестала всхлипывать, только слёзы выкатились из открытых глаз.

– Олесь, – позвал третий голос.

Мы с сестрой мигом обернулись.

У воды, на полосе между землёй и рекой, стояла она, Весения. Вода за ней искрилась, ослепляя. Я вскочил и только сейчас вспомнил о наготe своей. Сестрица плюнула в её сторону и отвернулась.

– Я не собираюсь уводить у тебя жениха, Алёна. Он тебя любит, – тихо сказала Весения, – а если что, то после Купала всё пройдёт.

Вид у неё был печальный, волосы в ряске и тине, платье – в мокрых пятнах.

– Что она плетёт, не понимаю, братец? – процедила сквозь зубы сестра, не оборачиваясь.

– Я говорю, что любит он тебя.

– Да ты, как я посмотрю, умница да благодетельница наша! Спасибо, утешила! Да вот только моего Селемира заморочила и брата моего замучила! Посмотри на него, что творишь, окаянная! – Алёнка вскочила на свои маленькие, прыткие ножки, подол подоткнула да на Весению пошла.

Возлюбленная моя отпрыгнула от неё подальше в воду, в тень ив.

– Что ты за девка? Сердце-то у тебя есть?

– Оттого и не знаю, что делать! – крикнула Весения, отступая в зелёную воду.

– Что случилось с Яриком? – не выдержал я.

Весения молчала, поглядывала на мою сестру. Алёнкины огненные волосы горели в свете полудня. Щёки в веснуш-

ках раскраснелись, она вся была полна силы – маленькая, худенькая, юркая. Весения сливалась с речными тенями и тиной.

– Алёна, подожди меня на берегу, – попросил я.

– Смотри, космы твои выдеру, – пригрозила ей сестра и, нахмурившись, отступила.

Я зашёл в воду за моей неведомой.

– Ярика увели мои сёстры. Он был у них... а потом утонул.

– Что же его погубило?

Она молчала.

– Всем парням из дому выходить запрещено, – добавил я.

– Я знаю, это правильно... Вам совсем ничего не рассказывали?

– Отец только сказал, что неделя проклятая.

– Можно и так сказать.

– Я тосковал без тебя, сердце изнылось, – робко прошептал.

– Ничего. После Купала пройдёт.

– Это за всю жизнь не пройдёт.

Весения опустила глаза и сказала:

– Селемира и тебя не увлекут мои сёстры, как они увлекли Ярика. Того, кого выбрала одна, уже не сможет увлечь другая.

– Да кто вы такие?! – не выдержал я.

– Ты не найдёшь нас среди людей после Купала, – медленно произнесла Весения и шагнула глубже в реку, – нам боль-

ше не надо видаться, не игры это, Олесь.

С этими словами она окунулась с головой и исчезла. Я шагнул за ней, но её не было видно. Она уплыла, как уплыла в день нашей встречи.

– Ты не найдёшь нас среди людей после Купала, – повторил я за ней, глядя в воду.

Когда мы с сестрой возвращались к дому, оба опечалены каждый своим, отец и мать бежали нам навстречу, а позади их шла Бажена.

– Алёна! – крикнула Бажена. – Жива!

– С чего бы ей помереть? – громко спросил я, как ни в чём не бывало.

Мать задохнулась и остановилась на тропке, отец дошёл до нас и сказал, обращаясь ко мне:

– Кто тебе из дома выйти разрешил?

– Алёна, сказали, в беде, – коротко и тихо ответил я.

– Она девка, а тебе род наш продолжать.

Алёна взглянула на него, не сказала ни слова, пошла вперёд.

– Мне что-то грозит? – спросил я отца.

– Отойдём подальше, не будем этим разговором очернять добрые дворы. Нельзя поминать их лишний раз. Да больше нельзя откладывать. Эти проклятые уже окружили нас. Беда.

Не всё для ушей людских подходит. Не всё говорить нужно. Бывает на свете любовь несчастная, а бывает любовь невыносимая. Парни от неё нанимаются в дружины, в земли

дальние, а девки руки на себя накладывают. И если парни погибают, то получают потом по заслугам: кто в оборотный мир попадает, а кто в поднебесье. А вот девицам-утопленницам нет места на седьмом небе, и среди живых тоже нет. Вот и застревают они в нашем мире, но не живут уже, а превращаются в тени. Выходят они к людям да мстят всем парням молодым за свою любовь прошлую. Так отец сказал. А ещё добавил, что давно не было их в наших краях. Ещё когда одним двором жили много лет, они ходить повадились, огнём и заговорами прогнали их, а теперь они опять появились. Старались забыть этих проклятых, хранили тайну в молчании, надеялись, коли не поминать их вслух, так они исчезнут. Да, видно, время их всё-таки пришло.

Выходит, они утопили Ярика. А Весения не девица вообще... злой дух. От этого и самому утопиться захотелось.

* * *

Как только Заря расстелила свой алый плат, я очнулся после мучительной ночи. Мне снилось, что я ищу в сумерках Ярика и Весению, но вижу только их бесплотные тени. Вскочил, вышел на крыльцо посмотреть, как светлеет вокруг, да очиститься от тяжести на сердце первыми лучами. Отец уходил рано, возвращался поздно. Матери тоже в доме не было. На дворе сидела Алёна.

– Что Селемир? – спросил я у сестры.

Она поймала меня цепкими глазищами:

– Морок, говорит, напал. Сам ничего.

– А ты что? – усмехнулся.

– Так ведь я ничего от него не жду, какой есть, – она вздохнула, – верю ему. Она сама полезла, говорит, да разве это любовь? Вот он дом нам строит, а то у него семья уж больно большая. Я со своим упрямством разве с ними уживусь? Селемир это знает, всё знает, а любит меня, – она посмотрела вдаль, на теплеющие небеса.

Лицо у Алёны светлеет, когда о женихе говорит. Вроде дитё ещё, юница, а при нём что расцветает да степенится, куда только её спесь девается?

– Ты-то чего хмурной такой?

– Водяной мне нужен, – неожиданно буркнул я.

Не верю я, что она зло. Русалка. Хочу сам всё узнать.

Алёна вытаращилась на меня.

– Эге, братец, – удивилась она, – и на кой он тебе? Смотри, пока сундук мой не доделаешь, топиться не дам!

– Чего ты мелешь? – волна негодования поднялась внутри. – Я, может, тоже жениться хочу.

Слова сами выскочили изо рта. Алёна захихикала так, что веснушки на лице запрыгали.

– Ну уж если ты жениться удумал, тут и впрямь без его помощи не обойтись!

Я обиженно глянул на неё, но смолчал.

– Ну так в ночь Купала женихаться и иди. Самое время, –

отмахнулась она: не верит.

– Нет у меня времени! Недоброе что-то творится, боюсь, не успею, – печаль в моих словах остановила веселье сестры: маленькое рыжее личико стало серьёзным.

– Что, знаешь о нём страшилки? – я старательно улыбнулась, чтоб приободриться.

Сестра подобрала подол, села подле меня и заговорила серьёзно, как взрослая:

– Как Хозяина рек тебе найти – не знаю, а вот Хозяина лесов – попробовать можно. А они уж между собой, наверняка, знакомы.

– Это Лешего, что ли?

– А ты, я посмотрю, ни того, ни другого не боишься, – она нахмурилась. – Хозяев нельзя попусту называть: беду накличешь.

– Хуже уже не сделаю.

Она впилась в меня взглядом, раздумывала, наверное, стоит говорить или нет.

– Знаю, что коли ты чего задумал, то сделаешь с моей помощью или без.

Я кивнул: сестра была права. Алёнка ухватила острыми пальцами за воротник моей рубашки и зашептала быстро в самое ухо:

– Назови его дедом. Названным родственником, он не станет тебе вредить. Дедко Вольный – это ему понравится, запомнил? Ты не сможешь увидеть его, и никто не сможет, ко-

ли он сам не покажется. Если разгневаётся он – ветер неистовый задует. Куда этот ветер дует, туда он и идёт. Он – хозяин, пастух всех лесных животных. Ты тоже пастух. Зайди в чащу поглубже да прочь иди от того места, где наши дрова заготавливают, позови его, он и придёт. Не разгневай, а если разгневаешь, не показывай страха, а то пропадёшь. Никто не знает, что у него на уме, опасно это, может плохо выйти.

Дрожь пробежала у меня под рубашкой.

– Ничего со мной не случится, Алёна.

Сестра отпрянула, очертила себя и меня громовым знаменем. Заморгала глазищами, сама своих слов напугалась. Вбежала в дом и выскочила с мешочком в руках.

– Вот. За пояс заткни. Это материно. Плакун-трава. Отгонит его, коли раздумаешь. Хлеб тоже возьми: нехорошо в гости с пустыми руками.

Я кивнул, сжал мешочек, внутри сухая трава захрустела; не приучен я верить в заговоры бабьи, да сейчас во всё поверить готов. Вернулся в дом, посмотрел на деревянные лица богов. Спрошу тихо у Лешего, как мне Весению найти, поблагодарю да уйду. Захлопнулась дверь, выпустив меня, защита родного дома осталась за спиной. Ух, отец разозлится, но из рода же не выгонит.

Роса замочила мои порты по колено, зябко стало. Неужто дурное меня в лесу поджидает? А вот и сам лес. Тёмный. Утренний свет ещё не добрался до него. Дремучий, высокий. Чего же боюсь, в самом деле? Лешего или потерять навсегда

Весению?

Вдохнул, выдохнул и пошёл. Страшно только первый шаг сделать, а дальше ноги как будто сами несут. Идёшь себе да идёшь. Заканчивались заливные луга вокруг нашего селения, обступал их лес. Высокий и светлый в ясную зеницу лета, да тёмный и непроглядный в грудень.

Золотисто-бурые бугристые стволы с чёрными сучками, тёмно-зелёной головой и коряжистыми ветками с длинными сухими пальцами встретили меня на пороге. Знакомый душистый запах тёплой хвои дохнул в лицо. Лес поднимался и спускался, прыгая по холмам, а заросшие овраги ещё хранили следы влажного ночного тумана. Тени сосновых лап путались с солнечными бликами на ковре из веточек, травы да иголок. Земляника кое-где сквозь траву проглядывала и цветочки-глазки белые, сестрица моя уж больно их любит. В прогалинах, залитых светом, зацветала малина, в густых, колючих зарослях пищали маленькие птицы в круглых гнёздах. Тут и там сквозь зелёный подлесок пробивались сиреневые колокольчики. Голову вверх поднимаешь: кроны мохнатые сплетаются в вышине, кивают.

В утренней синеве лес словно стены дома с большими сенями: идёшь, идёшь, а до комнаты не дойти. Лес наполнялся звуками: голосами птиц, вздохами ветра в вершинах, шелестом подлеска, стуком падающих шишек. И у этого дома есть хозяин. Лесной царь. Безмолвные великаны-сосны с бурым телом и зелёной головой, покачивающейся в такт вет-

ру, непокорные самой Моране. Гиганты, знакомые с небесными стадами, увенчанные огнём небесного светила. Под их опекой распускаются цветы и наливаются ягоды. С их ветвей птицы встречают новый день. Но стоит замешкаться в дождь – и ты навсегда останешься в сердце чащи. А что там с тобой случится – один Хозяин и ведаёт.

Я поднялся на высокий холм, чтобы оглядеться. Сколько ещё идти и куда? И как понять, где сейчас Леший? Лес внизу густой, непроглядный. Сосна да тополь рядом со мной. Сосна – дерево доброе, а эта толстая, пушистая: на холме света вдоволь хватает, вот ветки нижние и не сбросила, так и торчат в разные стороны. Вспомнив об Алёнке, я вынул хлеб, припасённый за пазухой. Положил на толстую ветку, а мешочек с плакун-травой сжал под одеждой в кулак. Вскарabalся к макушке – во все стороны сосны могучие синеют в дымке.

– Дедко Вольный, – прошептал я сквозь страх, сам не веря, что откликнется он.

Тишина. Лес могучий да сонный не шелохнётся, безответный, будто глухой дед.

– Дедко Вольный, приди на разговор! – крикнул я.

Без толку, не слышит. Нет его или идти не хочет, не видит. Не видит! Вот оно что. Алёнка-то сберегла, я вытащил мешочек охранительный. Пропаду так пропаду. У всех свой срок. Ярику уже не ходить по лугам, не насвистывать песенки и с девками не миловаться. Так и мне не любоваться светом

дня без неё. Размахнулся и швырнул с вершины под холм в густые кусты материн оберег. Подумал немного и пояс развязал. Бери меня, Леший.

– Эй! Лесной царь! Хозяин, я здесь!

Эхо подхватило мой дерзкий призыв да раскатило по далам лесным. Если тут и спал кто, то больше не спит. Чаща вдали всколыхнулась, словно вздыбилась. Потемнела, макушки вдали склонились, задрожали, пошли волнами. Ветер на меня налетел, гул раскатился по лесу. Вспорхнули, закричали да запищали встревоженные птицы. Прогнать меня хочет? Тут я не выдержал:

– Ле-ший! Хозяин ле-са! Дело у меня к тебе! Доколи не ответишь, не уйду-у! – во всё горло закричал я.

– Иду-у, иду, иду, – раскатилось эхом на весь лесной простор.

Страх меня прошиб, словно льдом сковал. Заскрипели сосны вдали, словно половицы в доме под шагом хозяина, да приближался скрип. Вспомнил я слова сестры: куда ветер дует, туда Леший и идёт. А ветер в самое лицо хлыщет. Лес под холмом очертания поменял, или от страха морок? Будто великан в тени сосен из синей дали выглянул да в чаще исчез, а ветер всё крепче. Я на мгновение руки отпустил, как тут и упал на землю. Схватился за ствол широкого коряжистого тополя, чтоб от страха не упасть. Всю храбрость собрал, кулаки сжал.

– Хозяин лесной! Ты здесь?

– Здесь, здесь, здесь, – отозвалось эхо.

Застыл ветер, поник. Деревья вытянулись. Птицы с веток разом на меня повернулись, смотрят, не чирикают. Тишина, аж стук своего сердца слышу. Куница мохнатая замерла на сучке, ушки наострив, муравьи застыли в траве, да и трава сама не шелохнётся. Из каждого цветочка Леший на меня смотрит.

– Прости меня, дедко Вольный, что потревожил тебя, прости, помоги да не наказывай!

– Сказывай, сказывай, сказывай, – вторило эхо.

– Хочу знать, где русалки живут.

Молчит Леший. Смотрит.

– Подскажи. Хочу найти их прежде, чем наступит ночь!

– Прочь, прочь, прочь! – крикнуло эхо.

Над головой что-то шевельнулось. Смотрю, а из дупла в тополе, из самой темноты, два жёлтых глаза смотрят. Я так и отпрянул, да запнулся о корень и упал на спину.

– Хозяин, подскажи, не погуби. Жизни без неё нет.

– Нет, нет, нет, – вздохнул Леший, моргнули жёлтые глаза.

– Водяного где мне отыскать? Я у него попрошу. Она мне нужна.

– Жена, жена, она.

Я опешил. Как? Лес сказал «жена», не может такого быть! Чья? Водяного?

– Да хоть и жена, весь мир мне без неё плох!

– Мох, мох, мох.

– Мох? – подскочил я. – Какой мох? В какой стороне их дом?

– В том, в том, в том.

– Что?

Замолк. Я поднялся и вытянулся, чтоб заглянуть в дупло. Филин ухнул и закрыл жёлтые глаза, ослеплённый светом дня. Зашелестели птичьи крылья, куница спрыгнула на ствол, муравьи ухватили большого сухого жука. Ушёл Леший.

Я поднялся на ноги, поклонился дуплу. Леший ясно сказал: мох. Отыскал мох с дурной стороны на деревьях: мать говорила, что в той стороне, где мох, – сама Морана, поэтому на ту сторону не спят, не едят и не строят домов. Медленно на ослабших ногах поплёлся, куда мох указывал. Весения – жена речного Хозяина? А остальные сёстры тоже? Так разве отпустит? А она разве захочет уйти? Невидящими глазами смотрел вперёд на мелькающие стволы, стараясь не сворачивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.